

EDN: WVRQYQ
УДК 902/904

Materials of Medieval Burials Sergushkin-3 Burial Ground (Lower Angara Region)

Polina O. Senotrusova^{a*}, Stanislav N. Leont'ev^b,
Pavel V. German^b and Alena V. Dedik^a

^a*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

^b*Federal Research Center of Coal and Coal-Chemistry of SB RAS
Kemerovo, Russian Federation*

Received 08.05.2024, received in revised form 08.07.2024, accepted 08.08.2024

Abstract. This study presents the results of a research of medieval burials of the Sergushkin-3 burial ground. Every burial was made according to the ceremony of cremation on the side. The article analyzes the features of the funeral rite, highlights its characteristic features and cultural markers. The composition of the funeral equipment's in each burial is individual and is represented by tools and household equipment's and jewelry. More over all burials contained the funeral equipment's with traces of pyrogenic effects. In seven burials, the funeral equipment's were located inside a cluster of burnt bones. In three burials they were located above and below the main bone remains. In one case, the funeral equipment's were placed above a cluster of fragments of human bones. Based on the results of the analysis of cremated bones, 12 individuals from 9 burials were identified. Most of the burials are individual. Three burials are paired, in which an adult and a child (from 0 to 3 years old) are buried. It should be noted that the funeral equipment's and features of the funeral rite of the Sergushkin-3 burial ground are close to the early of the Prospikhinskaya Shivera-IV burial ground. The presented data of the Sergushkin-3 burial ground dating to the 11th-12th centuries AD. These burials grounds can be correlated with the Lesosibirsk archaeological culture.

Keywords: Lower Angara region, High Middle Ages, Sergushkin-3 burial ground, burial rite, cremation, funeral equipment, dating, Lesosibirsk cultural.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies); Archeology.

The article uses the results obtained during the implementation of the project (Scientific and methodological support of the Institute of Digital Humanities Research and the preparation of historical and cultural heritage databases for scientific work and publication) with the support of the Development Program of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Siberian Federal University» for 2021–2030 as part of the implementation of the strategic academic leadership program «Priority – 2030», as

well as within the framework of the implementation of the state assignment of the FRC UUKh SB RAS No. AAAA-A21-121012090006-0 project «Sociocultural genesis and cross-border interaction of ancient and medieval societies in the contact zones of Western and Central Siberia»

Citation: Senotrusova P.O., Leont'ev S.N., German P.V., Dedik A.V. Materials of medieval burials Sergushkin-3 burial ground (Lower Angara region). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(9), 1735–1747. EDN: WVRQYQ

Материалы средневековых погребений стоянки-могильника Сергушкин-3 (Нижнее Приангарье)

П.О. Сенотрусова^а, С.Н. Леонтьев^б,

П.В. Герман^б, А.В. Дедик^а

^аСибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

^бФедеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН
Российская Федерация, Кемерово

Аннотация. В статье представлены результаты изучения средневековых погребений могильника Сергушкин-3. Десять погребений выполнены по обряду трупосожжения на стороне. Проанализированы особенности погребального обряда, выделены его характерные черты и культуруопределяющие маркеры. Дана развернутая характеристика сопроводительного инвентаря, включая его типологию и датировку. Представлены результаты антропологических определений костных останков. Всего было идентифицировано 12 индивидов. Большая часть погребений представляет собой индивидуальные захоронения, три являются парными, в которых погребен взрослый и ребенок (от 0 до 3 лет). Набор предметов и особенности погребального обряда могильника Сергушкин-3 близок наиболее ранним комплексам могильника Проспихинская Шивера-IV. Средневековые погребения сергушкинского могильника датируются XI–XII вв.н.э. и соотносятся с лесосибирской археологической культурой.

Ключевые слова: Нижнее Приангарье, развитое средневековье, Сергушкин-3, погребальный обряд, кремация, инвентарь, хронология, лесосибирская культура.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства; 5.6.3. Археология.

В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта (Научно- методическая поддержка Института цифровых гуманитарных исследований и подготовка баз данных историко-культурного наследия для научной работы и публикации) при поддержке Программы развития ФГАОУ ВО «Сибирского федерального университета» на 2021–2030 годы в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030», а также в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН № AAAA-A21-121012090006-0 проект «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Цитирование: Сенотрусова П. О., Леонтьев С. Н., Герман П. В., Дедик А. В. Материалы средневековых погребений стоянки-могильника Сергушкин-3 (Нижнее Приангарье). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(9), 1735–1747. EDN: WVRQYQ

Введение

Археологический памятник Сергушкин-3, представлявший собою группу перекрывающих друг друга стоянок и расположенный здесь же разновременный могильник, был дислоцирован на 12-метровой террасе левого берега одноименного ангарского острова, в 2,5 км выше его нижней оконечности (Privalikhin, 2009: 300). Он был открыт в 1974 г. и исследовался с 1978 по 1985 г. В. И. Привалихиным, тогда здесь было обнаружено семь древних погребений (Privalikhin, 1987; 1993; 2009), одно из которых (№ 6) относилось к эпохе средневековья. Завершение полевых работ на памятнике было осуществлено в 2009–2011 гг. Первым Сергушкинским отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством П. В. Германа (German & all, 2011; German, Leont'ev, 2015; Derevyanko & all, 2015: 334–336). Тогда здесь было выявлено 17 новых погребений, из которых 11 являлись средневековыми.

Общая стратиграфия памятника Сергушкин-3 включала три горизонта литологических отложений. Первый – материковый, сложенный карбонатизированными супесями – залегал на глубине от 0,7 до 1,8 м от дневной поверхности. Второй – культуросодержавший, образованный неоднородными супесями красновато-бурого и желто-серого цвета, залегал на глубине от 0,2 до 1,4 м. Третий горизонт представлял собой мощную – до 1,3 м – аккумуляцию пылеватых песков эолового генезиса с надстиляющим ее тонким слоем плохо сформированного дерна. От культуросодержавшего горизонта ее отделяла субгоризонтальная прослойка светлоокрашенного песка и тонкий слой погребенной почвы со следами лесного пожара. Материалы эпохи средневековья локализовались в кровле и верхней части второго горизонта (Privalikhin, 2009: 300–301; German, Leont'ev, 2013). В 2010–2011 гг. здесь было открыто и исследовано 11 погребений этого времени. По очередности их обнаружения

могилам были присвоены порядковые номера 10–12, 14 и 18–23.

Описание материалов

Общая характеристика погребений

Захоронения располагались на юго-западной периферии памятника, представлявшей собой статическое склоновое понижение к высокой (5–8 м над урезом воды) пойме, прорезанное оплывшей колеями старой дороги. Могильник протянулся 9-метровой полосой вдоль кромки берегового обрыва 12-метровой террасы на участке протяженностью 68 м. Расположение могил хаотичное. Условно выделяются три их относительно компактные группы: северо-восточная (погр. № 6, 11–12, 20–23), центральная (погр. № 10, 14) и юго-западная (погр. № 18–19), отстоящие друг от друга на 10 и 25 м. Расстояние между могилами внутри групп варьирует от 1 до 7 м. Некоторые из них (погр. № 10, 11, 12, 14, 21, 23) расположены попарно, на расстоянии 2–3 м друг от друга, но не образуют при этом четких линейных рядов.

Погребения, дислоцированные на участке памятника, не перекрытом дюной, выявлены на глубине от 16 до 30 см от уровня современной дневной поверхности. Могилы, скрытые под толщей песка, обнаружены на глубине до 70 см. Во всех случаях каких-либо внешних признаков этих захоронений (насыпь, каменная кладка, пятно ямы и пр.) не прослеживалось. В пяти случаях на уровне древней поверхности возле могил или непосредственно над ними зафиксировано наличие нескольких крупных камней. По два камня с западной и восточной стороны отмечены для погребений 20 и 23. С южной стороны возле стенки могильной ямы погребения 10 лежал один камень. Также небольшой камень лежал и над ямой захоронения 22. По одному камню зафиксировано с западной и восточной стороны от погребения 12 и еще один

лежал над ним, перекрывая собой заполнение могилы.

Преобладают могильные ямы неправильной овальной формы. Полукруглый или аморфный контур границ двух погребений (22 и 18 соответственно) является, очевидно, результатом их разрушения в древности. Размеры могильных ям варьируют от 35×27 см (погр. № 12/1) до 103×57 см (погр. № 20), при этом размеры четырех из них довольно близки (58×35–60×45 см). Длинной стороной могилы ориентированы преимущественно по линии 3-В. В двух случаях – погребения 11 и 20 – отмечена ориентировка СЗ-ЮВ, в одном (погр. № 12/1) – по линии С-Ю. Глубина ям – 5–19 см от уровня горизонта. Стенки их наклонные, дно трех погребений ровное, остальных – углубленное.

Внутримогильных конструкций и следов прокаленной почвы в погребениях не выявлено. Прах умершего вместе с углем и кусочками обожжённой бересты помещался в могилу уже остывшим. В пяти могилах обломки костей залежали рассеяно по всей их площади, а в четырех они расчищены в виде плотных скоплений, занимавших либо большую часть дна ямы, либо ее центр или одну из сторон. Наличие подобных скоплений позволяет предполагать, что изначально прах помещался в какие-то емкости из органического материала.

Во всех погребениях присутствовали предметы сопроводительного инвентаря со следами пирогенного воздействия (оплавление, окалина, термические трещины и пр.). В семи могилах инвентарь залежал внутри скопления обожжённых костей, в трех комплексах он располагался выше и ниже основных костных останков, а в одном случае вещи оказались размещены выше скопления фрагментов человеческих костей.

Инвентарь погребений

Состав инвентаря в каждом случае индивидуален и представлен двумя категориями изделий: орудиями труда и украшениями.

Орудия труда. В данную категорию нами также включены предметы, которые могут быть интерпретированы как оружие.

Обязательной составляющей погребенного набора вещей являлись *ножи*. Целые или в обломках они встречены в каждой могиле, кроме погребения 12/2, а в захоронениях 11 и 20 лежало по два ножа разного размера. Относительно полно сохранились восемь ножей (погр. № 10, 11, 14, 18, 20–23), среди которых выделяется три типа.

Тип 1 представлен тремя массивными цельнометаллическими ножами (из погр. № 10 и 11) с морфологически небособленной плавно суженной пластинчатой рукоятью, окончание которой отогнуто в сторону лезвия. Обух толстый (до 5 мм), прямой или со слегка загнутым вверх кончиком (рис. 1: 1); размеры 22,3×2,6×0,4 см, 27,2×2,5×0,6 см и 11,2×1,8×0,7 см.

Тип 2 представлен четырьмя ножами с пластинчатой рукоятью и оформленным навершием, один из них очень плохой сохранности, три других отличаются между собой оформлением рукояти и формой обуха:

Вариант 2.1 – нож с прямым обухом, выраженным лезвийным уступом и длинной узкой рукоятью, длина которой в два раза превышает лезвие, рукоять заканчивается петельчатым навершием (погр. № 20), заточка клинка односторонняя (рис. 1: 2), размер 24,6×2×0,5 см;

Вариант 1.2 – два выгнутообушковых ножа со слабовыраженным лезвийным уступом, кольцевидным навершием и рукоятью, примерно равной длине лезвия (погр. № 14, 21), заточка односторонняя (рис. 1: 3), размеры 18,8×3×0,7 и 17,4×1,5×0,3 см.

Тип 3 представлен двумя выгнутообушковыми ножами с коротким плоским хвостовиком под всадной монтаж (погр. № 18, 19), переход от их лезвия к рукояти оформлен уступом, заточка лезвия односторонняя (рис. 1: 4), размеры 18,7×1,5×0,4 и 10×1,5×0,4 см.

Среди плохо идентифицируемых металлических обломков в инвентаре других могил также присутствуют фрагменты ножей, но реконструировать их не представляется возможным.

Второй по встречаемости категорией орудий труда являются железные *тесла*.

Они входили в состав инвентаря погребений 14, 21 и 23, а в могилах 12 и 20 найдено по два этих изделия. Относительно полно сохранилось лишь пять экземпляров. Все они удлиненно-прямоугольной или трапециевидной формы без плечиков, с несомкнутой втулкой и прямым либо слегка наклонным лезвием с прямым или скошенным рабочим краем. По соотношению длины втулки и лезвия выделяется два варианта изделий: а) втулка короче лезвия (рис. 1: 5) (2 экз.) и б) втулка длиннее лезвия (рис. 1: 6) (2 экз.). Тесла первого варианта в целом короче и массивнее, для второго варианта характерны вытянутые пропорции орудий. Размеры целых изделий от 8,2×3,7×1,8 см до 13,7×3,3×1,8 см.

Кресала (3 экз.) (из погр. № 12, 20, 23) представляют собой плоские удлиненные П-образные скобы с загнутыми и приострѐнными концами (рис. 1: 13–14). Рабочая грань самого крупного из них имеет выраженный волнистый контур (рис. 1: 13). Размер изделий от 5,5×2,6 до 14×1,7 см при толщине 0,3 см.

Наконечники стрел – два лопатовидных срезня с плоским удлиненно-прямоугольным пером, округлой режущей частью и с круглым в сечении черешком без упора (черешок одного обломан) (рис. 1: 12) – найдены в погребении 22. Их размеры 11,8×2,2×0,4 и 11,5(?)×2,8×0,4 см. В состав инвентаря погребения 10 входил предмет в виде удлиненного железного бруска с прямоугольным поперечным сечением, на одном конце которого ковкой грубо моделировано плоское асимметрично-ромбическое перо без упора. Данный предмет размерами 17,8×1,6×0,4 см, вероятно, является наконечником массивной стрелы или небольшого копья.

Некоторые категории предметов представлены в единственном экземпляре. Среди них *массивный прямообушковый нож с втульчатым насадом* (наконечник пальмы?) (рис. 1: 17); втулка коническая, несомкнутая, длинная и узкая, со слабо-выраженными плечиками, клинок длинный, узкий и слегка изогнутый, заточка правосторонняя, размер 22,2×1,8×1,5 см

(изделие было воткнуто в яму погребения 22 под острым углом, почти вертикально). Также единичными находками представлены *железный скребок S-образной формы* (рис. 1: 7), общий размер 6,6×2,7×0,8 см (погр. № 20); фрагмент сильно корродированного *железного плоского крючка* (?) размером 4,6×1,7×0,3 см (погр. № 19); обломок *железного кольца* с внешним диаметром около 3 см; (погр. № 12); *безушковая железная игла* длиной 5,2 см (погр. № 22); железный витой *h-образно изогнутый стержень* с приострѐнными концами (рис. 1: 16), общий размер 11,9×4,8×0,4 см (погр. № 22); фрагмент рукояти *ложки* из рога (погр. № 12) (рис. 2: 22); тонкая *пластинка* из рога с просверленным отверстием и насечками по одной грани (погр. № 14); часть *концевой накладки* на кибить лука с двумя вырезами для тетивы (погр. № 22) (рис. 2: 17).

Украшения и детали костюма составляют вторую категорию предметов сопроводительного инвентаря. Самыми многочисленными из них (32 экз.) являются *трубчатые пронизки* четырех типов:

Тип 1 – железные пронизки с рифленной поверхностью (рис. 1: 8–11) длиной 1,6–7,7 см при диаметре 0,5–0,7 см; 28 экземпляров (погр. № 12, 14, 20–23).

Тип 2 – железная трубчатая пронизка с гладкой поверхностью, размерами 1,9×0,4 см (погр. № 23).

Тип 3 – две бронзовые трубчатые пронизки с рифленной поверхностью из листа металла (рис. 2: 1–2) длиной 2,8 и 4,7 см и диаметром 0,5–0,6 см (погр. № 12).

Тип 4 – бронзовая литая трубчатая пронизка со «вздутиями» (рис. 2: 10), размер 2,0×0,8 см (погр. № 21).

Бронзовые нашивки представлены двумя типами:

Тип 1 – выпуклые в сечении четырехлепестковые нашивки без орнамента либо с двумя или тремя насечками в основании каждого «лепестка» и с прямой петлей для крепления на обратной стороне (рис. 2: 3–6), размеры от 1,1×1,2×0,3 до 1,9×1,9×0,5 см. (погр. № 12 (6 экз.), 20 (6 экз.) и 21 (5 экз.).

Тип 2 – две круглые выпуклые нашивки без орнамента и с петлей для крепления на обратной стороне (рис. 2: 7), размер 1,6×0,3 и 2,2×0,3 см (погр. № 12, 20).

В пяти погребениях отмечено 8 экземпляров целых и фрагментированных плоских *бронзовых подвесок* трех типов:

Тип 1 – две «лунницы» с петельчатым подвесом; одна, частично оплавленная, украшена тонкими прочерченными линиями (рис. 2: 13) (погр. № 12), поверхность второй слегка ребристая (рис. 2: 8) (погр. № 14), размеры 3,2×4,6×0,2 и 3,2×2,8×0,2 см соответственно.

Тип 2 – две якорьковидные подвески с петлей в верхней части, одна из которых – без орнамента, и с длинными сильно изогнутыми окончаниями, и размером в сохранившейся части 6,5×2,8×0,2 см (погр. № 14); вторая – с широкой подквадратной петлей в центре вогнутой части и с орнаментом в виде трех узких полукруглых желобков на лицевой стороне, размер 3,3×3,7×0,2 см (рис. 2: 11) (погр. № 20).

Тип 3 – три кольцевидные подвески с выделенной петлей в верхней части, одна из которых украшена поперечными насечками (рис. 2: 12) (погр. № 12), вторая – слабо выраженным концентрическим желобком по обеим сторонам (рис. 2: 9) (погр. № 20), третья (погр. № 23) представлена небольшим оплавленным фрагментом; размеры целых предметов 4,6×3,5×0,2 и 4,7×4×0,2 см.

К этой же категории предметов относятся бронзовые *двусоставные застежки*, по сечению и форме щитка разделяющиеся на два типа:

Тип 1 – ромбическая застежка со сплошным туловом трапециевидного сечения, крепившаяся к основе с помощью трех отверстий (рис. 2: 14–15); размеры ее половин 3,7×2,7 и 3,4×2,6 см (погр. № 12); форма ее щитков стилизована под силуэт птицы (утки?) с расправленными крыльями.

Тип 2 – представлен двумя круглыми застежками (погр. № 14, 21). В первом случае щитки обеих половинок имели дугообразное сечение, а сплошной щиток «язычка» был украшен стилизованным изображением птицы с распахнутыми кры-

льями, выполненным тонкими заглабленными линиями (рис. 2: 18). Круглый щиток «приемника» украшен выполненным в той же технике простым геометрическим орнаментом (рис. 2: 19). Это изделие крепилось к основе с помощью двух небольших отверстий, размеры половинок застежки 5,1×2,8 и 5,1×2,9 см. От второй застежки сохранился лишь «приемник». Его круглый щиток украшен рельефным орнаментом в виде округлой четырехлепестковой розетки с круглыми отверстиями в центре лепестков. Между нижним и боковыми лепестками сделаны сквозные ромбовидные отверстия (рис. 2: 16). Размер «приемника» 5,1×3,2×0,8 см.

Ажурные двустворчатые игольницы входили в состав инвентаря погребений 12, 14 и 22. В первом случае сохранился один бронзовый щиток размером 8,2×3,5×0,4 см со сквозными железными заклепками (рис. 2: 20), в двух других – лишь оплавленные и сильно деформированные фрагменты из бронзы (могила 14) и серебра (погребение 22).

Две *железные пряжки* входили в состав инвентаря погребения 22. Одна из них – с обломанной округлой рамкой, утраченным язычком и неподвижным прямоугольным щитком с двумя отверстиями и фигурноскобчатым основанием (рис. 1: 15) (размер 5,4×3,2×0,5 см); вторая – прямоугольная, без рамки и с фиксированным под углом шпеньком (размер 2,5×0,9×0,2 см).

В заполнении погребения 12 найдена кольчатая *серьга* диаметром 3,3 см, выполненная из куска медной проволоки.

Изделия из кости и рога представлены лишь тремя предметами. Среди которых *подвеска* (застежка?) – *костыль* с плавным Г-образным изгибом, слабо утолщенными концами и прямоугольной петлей крепления в уплощенной центральной части (рис. 2: 21), размер изделия 7,3×2,7×0,4 см (погр. № 20); *пластина* удлинненно-прямоугольной формы со скругленными концами, по отшлифованной лицевой стороне украшенная резным елочным орнаментом (рис. 2: 23), реконструируемый размер 19×3,5 см;

найдена в виде мелких обожжённых фрагментов в погребении 19; *ложка* (ложковидная подвеска?) с неглубокой черпательной частью, плоской рукоятью с отверстием и с неглубокими насечками на гранях; размер 7,9×1,2×0,4 см (погр. № 21).

В заполнении всех могил встречены мелкие сильно корродированные фрагменты изделий из железа и бронзы, функциональное назначение которых установить не удалось.

Антропологическая характеристика

Анализ кремированных останков проходил в соответствии с комплексом описательных и весовых методик (Dobrovolskaia, 2010; Kleshchenko, Reshetova, 2019), ранее апробированных нами на материалах

других памятников (Senotrusova, Dedik, Mandryka, 2022). Возрастная принадлежность определялась путем визуально-морфологического исследования останков, имеющих следы возрастных изменений, а также по степени зарастания швов на черепе и прирастания эпифизов (Andronesku, 1970; Pashkova, Reznikov, 1978; White, Folkens, 2005). Определение биологического возраста происходило в пределах категорий, принятых в отечественной антропологии (Pezhenskiy, 2003).

Всего было идентифицировано 12 индивидов из 9 погребений (табл. 1), а последние – классифицированы по ряду указанных ниже признаков.

Тип погребения определен по минимальному количеству присутствующих

Таблица 1. Некоторые характеристики кремированных останков с территории могильника Сергушкин-3

Table 1. Some characteristics of cremated remains from the territory of the Sergushkin-3 burial ground

№ погребения (год)	Мин кол-во погребённых	Категория	Возраст	Общая масса костей (кг)
10 (2010)	1	Взрослый	Maturus–Senilis (35–55+ лет)	0,285
11 (2010)	2	Взрослый	Adultus–Maturus II (25–55 лет)	0,749
		Ребёнок	Infantilus primus (0–3 года)	
14 (2010)	2	Взрослый	Juvenilis (18–25 лет)	1,064
		Ребёнок	Infantilus primus (0–3 года)	
18 (2011)	1	Взрослый	Неопределим	0,092
19 (2011)	1	Взрослый	Adultus–Maturus II (25–55 лет)	0,903
20 (2011)	1	Взрослый	Adultus–Maturus I (25–45 лет)	1,149
21 (2011)	2	Взрослый	Adultus–Maturus II (25–55 лет)	0,702
		Ребёнок	Natus–Lacteus (0–1 год)	
22 (2011)	1	Взрослый	Maturus I–Senilis (35–55+ лет)	0,603
23 (2011)	1	Взрослый	Adultus–Maturus II (25–55 лет)	0,865

в нем человек: индивидуальный, парный и коллективный. На могильнике Сергушкин-3 представлены два типа погребений: индивидуальные (№ 3, 10, 18–20, 22, 23) и парные, являвшиеся совместным захоронением останков взрослого и ребенка (№ 11, 14, 21).

«Полноценность» или «парциальность» захоронений определена по степени комплектности отделов скелета индивида, подвергшегося кремации (Kleshchenko, Reshetova, 2019). Анализ кремированных останков могильника Сергушкин-3 показал, что семь погребений (№ 11, 14, 19–23) имеют максимально полную комплектность останков. В каждом из них обнаружены обломки костей всех отделов скелета и лишь фрагменты тазовых костей присутствовали лишь в 28,6 % этих погребений. Последнее обстоятельство, вероятно, обусловлено тем, что губчатое строение этих костей делает их наиболее уязвимыми в процессе горения (Alekseyeva, 1974). Такая же одинаковая представительность отдельных частей скелета наблюдается и среди детских останков.

К «парциальным» можно отнести погребения № 10 и № 18. Вероятно, в данном случае проходили определенные манипуляции с останками, в результате которых часть из них не попала в могильную яму.

Вес каждого скопления различный и варьируется от 0,1 до 1,15 кг, общая же масса обнаруженных костных останков составляет около 6,5 кг. Самое маленькое скопление весом около 0,092 зафиксировано в погребении № 18. Стоит отметить, что данное скопление имеет также сильную фрагментарность костей. Эти два обстоятельства сильно ограничили визуальный анализ костных останков и не позволили установить даже приблизительный возраст, однако некоторые фрагменты длинных костей позволяют достоверно определить, что погребенный являлся взрослым индивидом.

Индивидуальные погребения № 19, 20, 23 можно отнести к группе больших скоплений, имеющих вес от 0,865 до 1,149 кг. Это в первую очередь обусловлено наличием в данных скоплениях большого количества крупных фрагментов костей. Досто-

верных сведений, позволяющих выделить нескольких индивидов в данных погребениях, не обнаружено. Наиболее же крупные скопления весом от 0,749 до 1,064 кг представляют собой парные захоронения.

Возраст погребенных определяется лишь в широком диапазоне. Девять рассматриваемых индивидуумов относятся к категории взрослых. В их числе возраст пяти погребенных установлен в границах 25–55 лет. Возраст индивидуумов из погребений № 10 и 22 определен в пределах 35–55+ лет. Наличие в погребении № 20 больших фрагментов костей позволило сузить возрастной интервал индивидуума в пределах 25–45 лет. На общем фоне выделяется индивид из парного погребения № 14. В ходе анализа этого скопления обнаружены крупные фрагменты костей, следы возрастных изменений которых свойственны молодым индивидуумам, что позволило установить его возрастной интервал от 18 до 25 лет.

Наличие детских костных останков в трех парных погребениях позволило достоверно установить их возрастную принадлежность, которая варьируется от периода новорожденности до трех лет.

Цвет кремированных останков в каждом из скоплений могильника Сергушкин-3 варьирует от черного до белого, что свидетельствует о неравномерном воздействии огня на кости погребенных (Shirobokov, 2023).

Обсуждение

Все средневековые захоронения могильника Сергушкин-3 расположены относительно компактно, на одном пространстве и не перекрывают друг друга. Можно предполагать, что формирование этого некрополя происходило в короткий промежуток времени. Прослеженные особенности погребального обряда являются типичными для раннего – развитого средневековья Нижнего Приангарья. Наличие камней близ некоторых могил отмечено и для других могильников региона и сопредельных территорий: Кода-2 (Basova, 2010: 489), Проспихинская Шивера-IV (Mandryka, Senotrusova, 202: 259), погребе-

ния возле д. Каменск и комплекс Чермянка (Mandryka, 2006: 150; Makarov, Fokin, 2020: Fig. 1). По мнению В. И. Привалихина, подобные камни могли служить для фиксации берестяного надмогильного перекрытия (Privalikhin, 1993: 101–103).

Большая часть материалов могильника Сергушкин-3 датируется в широком диапазоне XI–XIV вв. Ножи первого типа морфологически тождественны более крупным тесакам – клинковому оружию, распространенному в Нижнем Приангарье и на сопредельных территориях в развитом средневековье. Такие изделия известны на большинстве могильников этого времени (Проспихинская Шивера-IV, Кода-2, Усть-Тасеева, Скородумный Бык и др.) (Mandryka, Senotrusova, 2022: 192). Ножи второго типа относятся к одному из наиболее ярких маркеров культуры населения Нижнего Приангарья I – начала II тыс.н.э. При этом они довольно сильно отличаются по форме, размерам, соотношению рукояти и лезвия, форме навершия (Gladilin & all, 1986; Privalikhin, Fokin, 2009). Ножи варианта 1.1 известны в погребениях могильников Проспихинская Шивера-IV, Отика, Усть-Тасеева, Капонир, много их и среди случайных находок (Mandryka, Senotrusova, 2022: 195). Время их бытования укладывается в диапазон XI–XIV вв. Ножи с кольцевидным навершием могильника Сергушкин-3 не имеют точных аналогий среди ангарских материалов. Их форма и пропорции выглядят архаичными, близкими к морфологии выгнутообушкового ножа с кольцевидным навершием из городища II в. до н.э. – I в.н.э. Шилка-2 на Енисее (Mandryka, 2003, p. 38). Вероятно, именно в это время идея изготовления подобных ножей проникает в южнотаёжную зону Средней Сибири, где она продолжала бытовать вплоть до этнографической современности (Privalikhin, Fokin, 2009: 317; Mandryka, Senotrusova, 2022: 196). Ножи из могильника Сергушкин-3 сохраняют пропорции и формы, характерные для изделий хуннского времени. В комплексах развитого средневековья такие формы ножей ранее не были известны. Ножи третьего типа, но с более выраженным изгибом обу-

ха, известны на памятниках Нижнего Приангарья второй половины I тыс.н.э. Усть-Кова и Проспихинская Шивера-I (Grevtsov & all, 2019: 93; Senotrusova, Mandryka, 2012: 45). В комплексах развитого средневековья ранее они не встречались.

Нож с втульчатым насадом (наконечник пальмы) – редкая находка для Нижнего Приангарья. Один такой предмет, но с короткой и широкой втулкой, найден в погребении XIII–XIV вв. на могильнике Проспихинская Шивера-IV (Mandryka, Senotrusova, 2022: 190). В Верхнем Приангарье подобные изделия найдены при изучении поселений в устье р. Унги. А. П. Окладников отнёс их к курыканской культуре и датировал VI–X вв.н.э. (Okladnikov, 1971: 15, Fig. 2). Еще несколько аналогичных изделий зафиксированы при раскопках стоянок на ове Сосновом в истоке Ангары (Aseev, 1980: 87). В Южной Сибири сходные предметы известны в Хакасско-Минусинской котловине, Туве, Прибайкалье, Юго-Восточном Прибайкалье и Северной Монголии. Ножи с втульчатой рукоятью присутствуют в материалах енисейских кыргызов в диапазоне от IX до XII вв. (Kyzlasov, 1983: 38). В Байкальском регионе ножи с втульчатым креплением рукояти существовали в VIII–XII вв., в монгольское время они появляются в таёжной зоне Восточной Сибири (Kharinskiy, 2020: 373). В Западной Сибири известны находки двух ножей с втульчатым насадом. На поселении Усть-Харампур 17 отмечен клинок с двумя долами вдоль прямого обуха, он входил в состав хозяйственно-культурного комплекса конца VI–VII вв.н.э. (Zykov, Poshekhonova, 2014: 101). Второй небольшой нож с втульчатым насадом найден в межмогильном пространстве некрополя Барсов Городок (X–XI вв.н.э.) (Zykov, Poshekhonova, 2014: 102).

Тесла, аналогичные найденным в погребениях Сергушкина-3, широко распространены в ареале лесосибирской археологической культуры и на сопредельных территориях (Mandryka, Senotrusova, 2022: 196). *Иглы* на территории Нижнего Приангарья найдены в погребениях финала раннего железного века (Пинчуга-6), ран-

него средневековья (Усть-Кова) и начала II тыс.н.э. (Кода-2, Усть-Тасеева, Проспихинская Шивера-IV) (Mandryka, Senotrusova, 2022: 201), а *железные скребки S-видной формы* обнаружены в погребении в устье р. Коды и на могильнике Проспихинская Шивера-IV (начало II тыс.н.э.) (Mandryka, Senotrusova, 2022: 196). В Нижнем Приангарье скребки на железных пластинах иной формы найдены на памятниках раннего средневековья Усть-Кова и Проспихинская Шивера-I (Senotrusova, Mandryka, 2012: 45; Grevtsov & all, 2019: 95). Самый ранний скребок S-образной формы на Ангаре найден в погребении № 14 могильника Пинчуга-6 (III–IV вв.н.э.). На территории Западной Сибири такие изделия широко представлены в позднесредневековых комплексах и доживают до этнографической современности.

Трубчатые пронизки первого типа являются самыми распространенными украшениями в Нижнем Приангарье в XI–XIV вв. и известны на большинстве некрополей этого времени. В других регионах Сибири они встречаются значительно реже, что позволяет рассматривать их как маркер культуры ангарского населения периода развитого средневековья. Трубчатые пронизки последних двух типов в Нижнем Приангарье широко распространены в период с XI по XIV вв.н.э. (Mandryka, Senotrusova, 2022: 217, 218). *Бронзовые четырехлепестковые нашивки* с насечками и без них присутствуют в материалах большинства некрополей XI–XIV вв. региона (Mandryka, Senotrusova, 2022: 215). *Бронзовые кольцевидные подвески* являются самым распространенным типом этих украшений в нижнем течении Ангары. Здесь известно не менее 30 подобных украшений. Они зафиксированы среди материалов могильника Проспихинская Шивера-IV, Отика, в погребении в устье р. Коды. Вероятно, в регионе исследования они появляются не ранее X в. и широко используются вплоть до XIV в. (Mandryka, Senotrusova, 2022: 210).

Вместе с тем целый ряд предметов, найденных в средневековых погребениях Сергушкина-3, характерен для нижнеан-

гарских комплексов периода XI – начала XIII вв. В первую очередь это касается *наконечников стрел* в виде лопатовидных срезающей, аналогичных найденным в погребениях могильника Сергушкина-3. В Нижнем Приангарье известно не менее 13 наконечников этого типа, они встречаются на памятниках Усть-Тасеева, Кода-2, Сергушкин-1, Сосновый Мыс и в погребениях XI–XII вв. могильника Проспихинская Шивера-IV (Senotrusova, Mandryka, 2022: 187).

К этому периоду следует отнести и вытянутый *ажурный игольник*. В фондах Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова хранится целое изделие (Инв. № МКМ ОФ А 6817), аналогичное найденному на памятнике Сергушкин-3. Игольник найден у д. Уты в Бейском районе р. Хакасия. На могильнике Проспихинская Шивера-IV близкий, но не идентичный предмет зафиксирован в погребении № 87, датировка которого XI–XIII вв. (Mandryka, Senotrusova, 2022: 172, 242).

Бронзовые *якорьковидные подвески* и *подвески-лунницы* встречаются в погребениях XI–XIII вв. в устье р. Коды и на могильнике Проспихинская Шивера-IV (Mandryka, Senotrusova, 2022: 209). За пределами Нижнего Приангарья они пока неизвестны. *Двусоставные застежки* с круглым дугообразным в сечении щитком с крупными отверстиями в нижнем течении Ангары также найдены в погребениях XI–XIII вв. могильников Отико-1 и Проспихинская Шивера-IV (Mandryka, Senotrusova, 2022: 220). Время бытования двусоставной застежки с ромбическим туловом, по аналогиям с материалами Проспихинской Шиверы-IV, а также с находками в Среднем Причудлымье и таёжном Прииртышье, можно ограничить XI–XII вв. (Mandryka, Senotrusova, 2022: 222). К периоду X–XIII вв. относится железная неподвижнощитковая *пряжка*, тождественная подобным же изделиям малиновского этапа аскизской культуры (X–XIII вв.н.э.), в том числе найденным и на могильнике Эйлиг-Хем-III (Kuzlasov, 1983, tab. XII – 9).

Таким образом, набор предметов сопроводительного инвентаря средневековых погребений могильника Сергушкин-3 близок наиболее ранним комплексам могильника Проспихинская Шивера-IV, датруемым в диапазоне XI – начала XII вв.н.э. Вероятно, именно в это время и происходило формирование сергушкинского некрополя. Этому утверждению не противоречит и радиоуглеродная дата, полученная по углю из придонной части погребения № 14–960±80 л.н. (SPb_383) с предпочтительным калиброванным календарным интервалом 2σ 1015–1160 гг.н.э.¹.

Заключение

Особенности обряда и набор инвентаря средневековых погребений могильника Сергушкин-3 типичны для могильников лесосибирской археологической культуры. Её ареал с начала XI в. охватывал обширные пространства южнотаёжной зоны Енисейской Сибири, включая и долину нижнего течения Ангары. На сегодняшний момент Сергушкин-3 является одним из наиболее ранних некрополей лесосибирской культуры в регионе. От остальных его отличает единообразный по-

гребальный обряд и устойчивый набор сопроводительного инвентаря, в составе которого полностью отсутствуют керамическая посуда, бусы, бисер и орудия металлообработки. Импортированных изделий из цветных сплавов и предметов вооружения здесь гораздо меньше, а большую долю находок составляют вещи, характерные для Нижнего Приангарья. Часть из них (выгнутообушковые ножи и роговая пластина с геометрическим орнаментом) сохраняют черты, уходящие своими корнями в период начала I тыс.н.э. (Mandryka, Senotrusova, 2022: 14, 235; Senotrusova, 2023; Grevtsov & all: 81, 95). Вероятно, данные особенности средневекового могильника Сергушкин-3 обусловлены региональными отличиями в культуре населения этой части нижнеангарской долины. Не исключено, что в ходе дальнейшего накопления и ввода в научный оборот новых материалов будут выделены отдельные локальные варианты лесосибирской археологической культуры.

Приложения / Applications

¹ Датирование образца выполнено в Изотопном центре кафедры геологии и геоэкологии факультета географии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург); калибровка даты осуществлена с помощью программы OxCal v. 4.2.3 Bronk Ramsey (2013).

Список литературы / References

- Alekseyeva T.I. Antropologicheskiy analiz kostnykh ostatkov iz mogil'nikov s truposozhzheniyami chernyakhovskoy kul'tury [Anthropological analysis of bone remains from burial grounds with corpse burnings of the Chernyakhov culture]. In: *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archeology]*, 1975, 1, 264–270.
- Andronesku A. *Anatomiya rebenka [Child anatomy]*. Buharest, Meridian, 1970. 364 p.
- Aseev I.V. *Pribajkal'e v srednie veka (po arheologicheskim dannym) [Baikal region in the Middle Ages (according to archaeological data)]*. Novosibirsk, 1980. 152 p.
- Basova N.V. Rezultaty issledovaniya srednevekovogo mogil'nika na stoyanke Koda-2 [Results of research of the medieval burial ground at the Koda-2 site], In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]*. Vol. XVI. Novosibirsk, IAET SO RAN, 2010. 488–491.
- Derevyanko A.P., Tsybankov A.A., Postnov A.V., Slavinskiy V.S., Vybornov A.V., Zolnikov I.D., Deyev YE.V., Prisekaylo A.A., Markovskiy G.I., Dudko A.A. *Boguchanskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya (BAE): ocherk polevykh issledovaniy (2007–2012 gody) [Boguchanskaya Archaeological*

Expedition (BAE): sketch of field research (2007–2012). Novosibirsk, IAET SO RAN. 2015. 564 p. (Tr. Boguchanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii; T. 1.). (Proceedings of the Boguchansk Archaeological Expedition, Vol. 1).

Dobrovol'skaia M.V. K metodike izucheniia materialov krematsii [On the Method of Investigations of Cremation Materials]. In: *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 2010, 224, 85–97.

German P. V., Leont'ev S.N., Savelyeva A. S., German V. V. Predvaritelnyye rezultaty issledovaniy na pamyatnike Sergushkin-3 v Severnom Priangarye (2009–2011 gg) [Preliminary results of research at the Sergushkin-3 site in the Northern Angara region (2009–2011)]. In: *Materialy nauchnoy sessii IECH SO RAN 2011 goda [Materials of the scientific session IECH SO RAN 2011 year. Vol. 3]*. Kemerovo: IECH SO RAN, 2011. 87–91.

German P. V., Leont'ev S. N. Mnogosloynnye stoyanki ostrova Sergushkin [Multilayered parking lots of Sergushkin Island]. In: *Arkheologicheskiye issledovaniya drevnostey Nizhney Angary i sopredelnykh territoriy [Archaeological research of the antiquities of the Lower Angara and adjacent territories]*. Krasnoyarsk, 2013. 57–72.

German P. V., Leont'ev S. N. Raboty na arkheologicheskikh ob'yektakh ostrova Sergushkin (Severnoye Priangarye) v 2010 i 2011 gg. [Work on the archaeological sites of Sergushkin Island (Northern Angara region) in 2010 and 2011 years]. In: *Arkheologicheskiye otkrytiya 2010–2013 [Archaeological discoveries 2010–2013]*. Moscow: IA RAN, 2015. 608–610.

Gladilin A. V., Yermolayev A. V., Leontyev V. P. Prirodno-klimaticheskkiye usloviya epokhi zhelez-nogo veka Severnogo Priangarya [Natural and climatic conditions of the Iron Age of the Northern Angara region]. In: *Problemy okhrany i osvoeniya kulturno-istoricheskikh landshaftov Sibiri [Problems of protection and development of cultural and historical landscapes of Siberia]*. Novosibirsk, Nauka, 1986. 39–54.

Grevtsov Yu.A., Leontyev V.P., Drozdov N.I. Mogilnik Ust-Kova v Severnom Priangarye (zona vodokhranilishcha Boguchanskoy GES) [Ust-Kova burial ground in the Northern Priangarie (Boguchanskaya HPP reservoir zone)]. In: *Preodoleniye vremeni i prostranstva. [Overcoming time and space.]*. Irkutsk, IG SO RAN, 2019. 76–103.

Kharinskiy A. V. Palmy s vtulchatym nakonechnikom iz Baykalskogo regiona i ikh pozdnyie modifikatsii [“Palms” with a bushy tip from the Baikal region and their late modifications]. In: *Arkheologiya yevraziyskikh stepey [Archaeology of the Eurasian steppes]*, 2020, 6, 366–378.

Kleshchenko E. A., Reshetova I. K. *Paleoantropologicheskie materialy v rekonstruktsiiakh obraza zhizni i pogrebal'nooi obriadnosti rannesrednevekovogo naseleniia Vostochnoi Evropy [Paleoanthropological materials in reconstructions of the lifestyle and funeral rituals of the early medieval population of Eastern Europe]*. Moscow, Institut arkheologii RAN, 2019. 224 p.

Kyzlasov I. L. *Askizskaya kultura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv. [The Askiz culture of South Siberia of the X–XIV centuries]*. Moscow, SAI, Issue YE 3–18, 1983. 128 p.

Makarov N. P., Fokin S. M. Srednevekovoye pogrebeniye kompleksa Chermyanka [Medieval burial of the Chermyanka complex]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2020, 4(1), 45–55.

Mandryka P. V. Pozdnesrednevekovoye pogrebeniye po obryadu truposozhzheniya na storone v yenisayskoy tayge [Late medieval burial according to the rite of corpse burning on the side in the Yenisei taiga]. In: *Yeniseyskaya provintsiya [Yenisei province]*. Vol. 2. Krasnoyarsk, KPU, 2006. 150–158.

Mandryka P. V., Senotrusova P. O. *Srednevekovyy mogilnik Prospikhinskaya Shivera IV na Angare [Medieval burial ground Prospikhinskaya Shivera IV on the Angara River]*. Novosibirsk, IAET SO RAN. 2022. 364 p. (Tr. Boguchanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii; T. 3) (Proceedings of the Boguchansk Archaeological Expedition, Vol. 3).

Okladnikov A. P. Proshloye Priangarya v svete arkheologii [The past of Priangarie in the light of archaeology]. In: *Byt i iskusstvo russkogo naseleniya Vostochnoy Sibiri [Life and art of the Russian population of Eastern Siberia]*. Novosibirsk, Nauka, 1971. 7–27.

Pashkova V.I., Reznikov, B.D. *Sudebno-meditsinskoe otozhdestvlenie lichnosti po kostnym ostankam [Forensic identification of a person based on bone remains]*. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1978. 320 p.

Pezhemskiy D.V. Opredelenie biologicheskogo vozrasta v paleoantropologii i problema vozrastnykh intervalov [Determination of biological age in paleoanthropology and the problem of age intervals]. In: *Kongress etnografov i antropologov Rossii [V Congress of ethnographers and anthropologists of Russia]*. Moscow, IEA RAN, 2003. 255.

Privalikhin V.I. Kompleks materialov skifskogo vremeni stoyanki Sergushkin-3 [Complex of materials of the Scythian time of the Sergushkin-3 site]. In: *Problemy arkheologicheskikh kultur stepey Yevrazii [Problems of archaeological cultures of the Eurasian steppes]*. Kemerovo, KemGU, 1987. 90–95.

Privalikhin V.I. O pogrebal'noy obryadnosti tayezhnogo naseleniya Severnogo Priangarya v nachale II tys.n.e. [On the funeral rites of the taiga population of the Northern Priangarie at the beginning of the 2nd millennium A.D.]. In: *Kulturogeneticheskiye protsessy v Zapadnoy Sibiri [Cultural and genetic processes in Western Siberia]*. Tomsk, TGU, 1993. 101–103.

Privalikhin V.I. Pogrebeniya bronzovogo veka stoyanki i mogil'nika Sergushkin-3 na Nizhney Angare (zona zatopeniya Boguchanskoy GES) [Bronze Age burials of the Sergushkin-3 site and burial ground on the Lower Angara River (flood zone of Boguchanskaya HPP)]. In: *Yeniseyskaya provintsiya. Almanakh [Yenisei Province. Almanac]*, 4. Krasnoyarsk, KKKM, 2009. 300–310.

Privalikhin V.I., Fokin S.M. Zheleznyye nozhi s koltsevidnym navershiyem Severnogo Priangarya, Srednego Yeniseya i Evenkii // [Iron knives with ring-shaped tops of the Northern Angara region, Middle Yenisei and Evenkiya]. In: *Yeniseyskaya provintsiya. Almanakh [Yenisei Province. Almanac]*, 4. Krasnoyarsk, KKM, 2009. 311–326.

Senotrusova P.O., Dedik A.V., Mandryka P.V. Pogrebal'nyy obryad naseleniya nizhnego techeniya Angary v finale epokhi zheleza (po materialam mogil'nika Pinchuga-6) [The burial rite of the lower Angara population in the final stage of the iron age (case study of the Pinchuga-6 cemetery)]. In: *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 2022, 226, 297–307.

Senotrusova P.O., Mandryka P.V. Zheleznyye izdeliya so stoyanki Prospikhinskaya Shivera-I [Ironware from the Prospikhinskaya Shivera-I site]. In: *Drevnosti Priyeniseyskoy Sibiri [Antiquities of Prienisei Siberia]*, V. Krasnoyarsk, SFU, 2012. 43–49.

Shirobokov I.G. Krematsii Oglakhtinskogo mogil'nika: sluchaynaya izmenchivost' ili variativnost' pogrebal'nykh praktik? [Cremations at the Oglakhty Burial Ground: Random Variability or Variation in Funerary Practices?]. In: *Sibirskiy istoricheskiye issledovaniya [Siberian Historical Research]*, 2023, 3, 272–295.

Zykov A.P., Poshekhonova O. Ye. Metallicheskiye izdeliya s pamyatnika relkinskogo etapa nizhneobskoy kultury v bassejne r. Kharampur [Metalware from the site of the Ryolka stage of the Lower Ob culture in the Kharampur River basin]. In: *Uralskiy istoricheskiy vestnik [Urals Historical Bulletin]*, 2014, 2, 97–107.